

ГОДИЧНЫЙ
АКТ

*принято
принято
(1871)*

29 ноября 1871

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

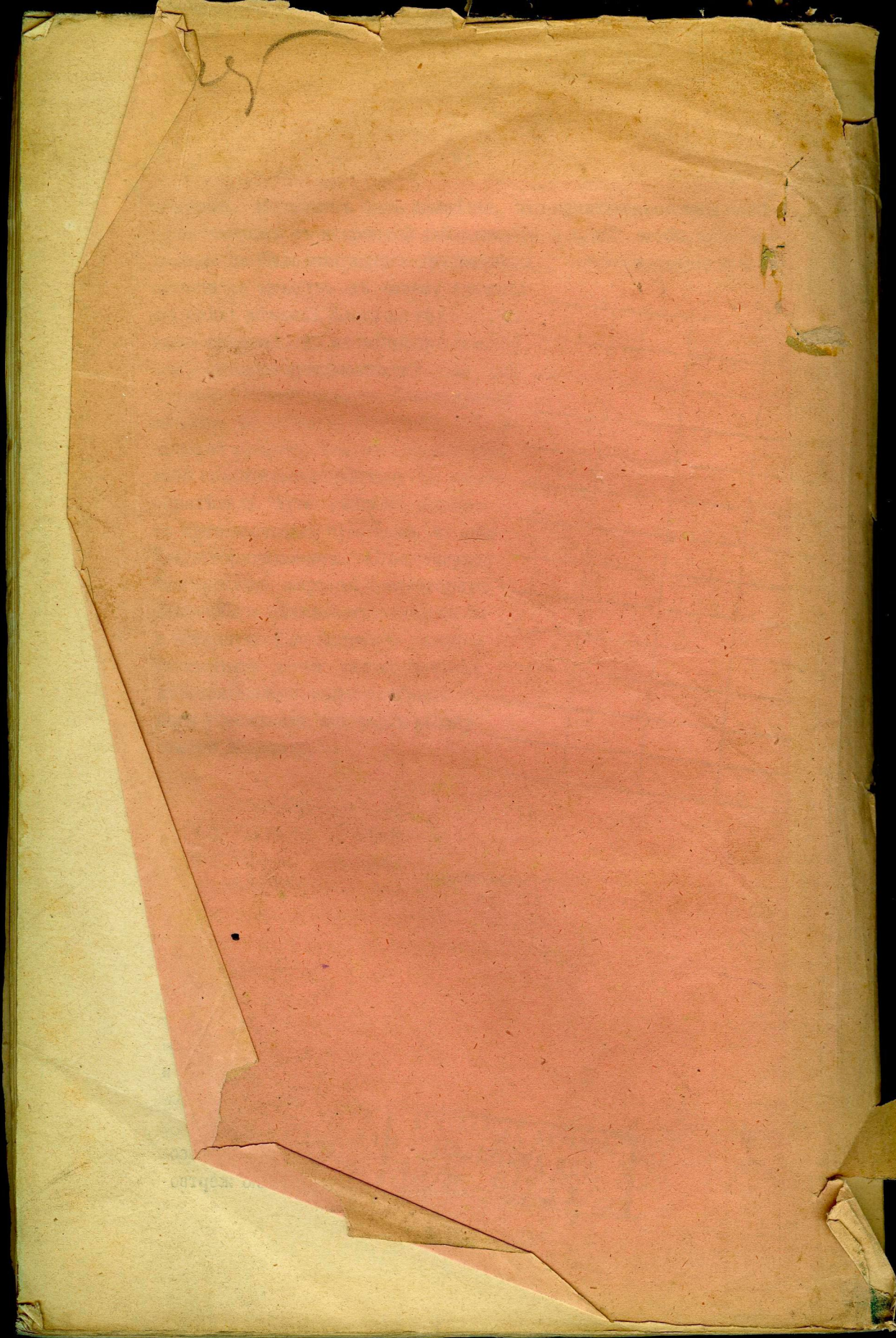
30-го Августа 1871 г.

ВАРШАВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1871.

TO THE HONORABLE

THE SENATE

OF THE UNITED STATES

IN SENATE

RECEIVED

THE SECRETARY OF THE SENATE

1871

ГОДИЧНЫЙ АКТЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30-го Августа 1871 г.

ВАРШАВА
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1871.

98

84

✓ 5/5

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Уни-
верситета.

Ректоръ П. Лавровскій.

41

Второй годичный актъ Императорскаго Варшавскаго Университета происходилъ 30 августа 1871 г., въ присутствіи Его Сіятельства Намѣстника въ Царствѣ, Г. Попечителя Учебнаго Округа, высшихъ духовныхъ и гражданскихъ властей и многочисленной публики.

Актъ начался молитвою „Царю Небесный,“ пропѣтою архіерейскими пѣвчими.

Затѣмъ послѣдовало чтеніе: 1) пр. *Хлѣбниковымъ*—рѣчи: „О первобытной организаціи государствъ;“ 2) пр. *Вейнбергомъ*—краткаго отчета о состояніи и дѣйствіяхъ Университета за истекшій академическій годъ. (Рѣчь и отчетъ приводятся ниже; напечатанная тутъ же рѣчь доц. *Фудаковскаго* не была произнесена по недостатку времени). Послѣ этого г. Ректоромъ Университета были сказаны слова, напечатанныя въ настоящей брошюрѣ вслѣдъ за отчетомъ.

Торжество окончилось пѣніемъ гимна: „Боже Царя Храни!“

Вопрос о том, что такое государство, является одним из
важнейших вопросов философии и политологии. В
этом отношении можно выделить несколько основных
подходов к пониманию государства. В частности, можно
говорить о том, что государство — это совокупность
властных отношений, которые существуют между
личностями и группами людей. В то же время
государство — это также и совокупность
институтов, которые обеспечивают порядок и
безопасность в обществе. В зависимости от
того, какой из этих подходов является основным,
можно говорить о том, что государство — это
или власть, или институты, или совокупность
отношений. В любом случае, государство — это
важная часть общества, которая оказывает
сильное влияние на жизнь людей.

О ПЕРВОБЫТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЪ.

(Рѣчь проф. Хлѣбникова).

ММ. ГГ.

Позвольте мнѣ, на нѣсколько времени, оторвать ваше вниманіе отъ тревогъ и шума современной жизни, отъ широкихъ интересовъ современнаго общества, чтобы спуститься въ глубь вѣковъ, къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда только что начали складываться общества и государства. Какъ ни далеки отъ насъ эти времена, какъ ни мало сходства въ тогдашнемъ устройствѣ общества съ нынѣшнимъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, интересы этого общества всегда должны быть занимательны для мыслящихъ людей, потому что въ этомъ первичномъ обществѣ положены основы, фундаментъ современнаго намъ устройства. Въ это время зарождается верховная власть, столь необходимая для всякаго общества, безъ которой невозможно его существованіе; въ это время кладутся основы собственности, появляются семейства, появляются различія въ общественномъ положеніи, словомъ, всѣ тѣ элементы, которые составляютъ существенныя черты современнаго общества. Еслибы мы могли проникнуть въ причины этихъ великихъ явленій, то для насъ объяснилось бы многое въ строѣ современнаго общества, основы котораго положены въ глубокой древности.

Въ самой сильной, тѣснѣйшей зависимости общество находится, на всѣхъ степеняхъ культуры, отъ экономическихъ условій, или, говоря проще, отъ способовъ питанія. Всѣмъ политическимъ измѣненіямъ въ устройствѣ общества всегда предшествуютъ измѣненія въ способахъ

пріобрѣтенія и раздѣленія богатствъ, которыя даетъ человѣку окружающая его природа. Эта зависимость еще рѣзче видна на первоначальныхъ ступеняхъ быта. Три первобытные способа питанія, охота, скотоводство и земледѣліе сопровождаютъ три различныхъ политическихъ устройства.

Самое грубое первобытное устройство представляютъ общества, питающіяся посредствомъ охоты или рыбной ловли. Такое племя, которое питается охотой или рыбной ловлей, должно постоянно измѣнять мѣсто жительства, иначе оно помретъ отъ голода. По наблюденіямъ путешественниковъ, для питанія небольшого племени въ 300 или 400 лицъ, занимающихся охотой, необходимо пространство нынѣшней Франціи. (Comte. *Traité de leg.* t. 2. p. 273). Какъ ни бѣденъ и жалокъ бытъ такихъ племенъ, однако уже здѣсь проявляется понятіе права собственности. У рыбачьихъ племенъ, живущихъ у полярнаго моря, рыбу дозволяется ловить каждому, гдѣ ему угодно, но не только пойманная рыба, даже выброшенная изъ моря вещь, вездѣ принадлежитъ тому, кто первый до нея дотронулся; для этого ему стоитъ положить на нее какой нибудь знакъ. Если тюлень, раненый однимъ охотникомъ, убитъ и послѣ будетъ пойманъ другимъ, тѣмъ не менѣе его трупъ принадлежитъ убившему. Если бы два охотника въ одно время поразили оленя, то онъ принадлежитъ тому, чья стрѣла попала ему въ сердце. (Klem. *Alg. Cult. Gesch.* in 2., p. 294). Такія племена не имѣютъ почти никакого политическаго устройства; они подчиняются вождю только на время, для какого нибудь предпріятія или для защиты. Въ это время они подчиняются вождю, какъ настоящая дисциплинированная армія, но лишь кончается предпріятіе, кончается и власть вождя. Въ мирное время вожди не имѣютъ никакой власти, даже судебной; каждый долженъ защищать самъ себя. Даже участіе въ общихъ предпріятіяхъ ни для кого не обязательно. Каждый членъ племени есть полный хозяинъ и повелитель своихъ женъ и дѣтей, пока послѣдніе не подросли и не сдѣлались сами охотниками. Никакой нравственной семейной связи здѣсь еще не существуетъ; сынъ, сдѣлавшись взрослымъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на своего отца. Хотя я говорилъ, что понятіе собственности существуетъ, но ему подчиняются лишь тѣ, которые хотятъ его признавать. Такъ какъ не существуетъ никакой центральной власти въ мирное время, то часто физически сильные отбиваютъ добычу у слабыхъ и даже убиваютъ ихъ. (Comte. *Tr. de leg.* t. 2. c. 279).

Вотъ первая ступень общественной организаціи; едва мы найдемъ въ ней слабые зачатки политическаго устройства. Общество такъ слабо, что оно готово каждую минуту разложиться. Но даже въ это время мы находимъ уже нѣкоторыя великія, человѣческія начала; такъ, по отзывамъ

путешественниковъ, дикій не подчиняется власти по ложно понятому чувству индивидуальной свободы и личной гордости. Право собственности, какъ мы видимъ, иногда понимается очень тонко.

Перейдемъ теперь ко второй степени развитія.

Другой порядокъ вещей мы находимъ у народа, который питается посредствомъ скотоводства. Здѣсь мы найдемъ болѣе сильную власть, признанное право собственности даже по смерти собственника, въ лицѣ его дѣтей, начала нравственнаго развитія человѣка въ родовомъ устройствѣ и наконецъ начала общественного неравенства.

Тотъ геніальный охотникъ, который съумѣлъ сдѣлать ручнымъ и заставить ходить за собою дикаго буйвола, козъ и овецъ, является лицомъ богатымъ и обезпеченнымъ среди охотниковъ. Къ этому обезпеченному лицу охотно идутъ въ слуги, или, что тоже въ это время, въ рабы, многіе изъ охотниковъ въ періоды голодовокъ, которыя составляютъ неразлучныхъ спутниковъ охотничьего быта. (Klem. Cult. Gesch. v. II. p. 229). Этотъ богатый, обезпеченный владѣтель стадъ, пользуясь своимъ положеніемъ, имѣетъ нѣсколько женъ и наложницъ, что дозволяетъ ему скоро приобрести многочисленное потомство. Этотъ патриархъ дѣлается такимъ образомъ домовладыкой и государемъ своихъ женъ, дѣтей, внуковъ и рабовъ. Онъ есть судья, воевода и первосвященникъ своего рода, члены котораго подъ его властію привыкаютъ повиноваться, признавать сознannую имъ правду закономъ для себя, привыкаютъ уважать боговъ-покровителей рода, которымъ поклоняется патриархъ. Такимъ образомъ, въ этомъ первичномъ родовомъ устройствѣ въ человѣкѣ пробуждается религіозное сознаніе, зараждается юридическій обычай, первое проявленіе правовой идеи; наконецъ, вмѣстѣ съ обезпеченностію пробуждается чувство благожелательства къ другимъ въ видѣ гостепріимства.

Выше мы предположили, что одинъ охотникъ создаетъ патриархальное устройство среди дикаго быта; но обыкновенно разомъ возникаетъ нѣсколько такихъ родовъ,—фактъ, ведущій къ замѣчательнымъ послѣдствіямъ. Патриархъ-родоначальникъ избраннаго нами племени беретъ своихъ женъ у такихъ же патриарховъ, а жены, взятны имъ изъ своихъ рабынь, носятъ имя наложницъ. Рангъ матери переходитъ на дѣтей. У пастушескаго племени кафровъ мы находимъ всѣ эти явленія. Всѣ сыновья родоначальника, рожденные имъ отъ женъ, суть наслѣдники его достоянства и имущества; дѣти, рожденные рабынями патриарха отъ его рабовъ, въ одно время съ которымъ либо изъ его сыновей, дѣлаются его рабами. Дѣти, рожденные патриархомъ отъ наложницъ, получаютъ свободу и подарки отъ патриарха. (Klem. v. III. p. 323). Подобныя же явленія мы находимъ въ библейской исторіи. Патриарху Аврааму наслѣдуютъ въ его дос-

тоинствѣ лишь дѣти, рожденныя отъ того же племени. Старшая жена Авраама, Сарра, есть сестра его и отъ нея происходитъ почетнѣйшій родъ. Ея сыновья получаютъ отъ Авраама всѣ стада его, а сыновья наложницъ лишь подарки. (Быт. Гл. XXV). Каждый законный сынъ въ пастушескомъ племени образуетъ новый родъ. Изъ этихъ родовъ образуется первичное государство. Самую высшую степень развитія этой формы мы находимъ у бедуиновъ. Бедуины, тоже пастушескія племена, образуютъ такія первичныя государства. Нѣсколько родовъ съ своими родоначальниками избираютъ одного изъ родоначальниковъ главнымъ, или великимъ шейхомъ, которому и подчиняются. Но это подчиненіе очень слабое и нисколько не уменьшаетъ значенія самихъ родоначальниковъ. Общество раздѣляется на два класса: благородныхъ и рабовъ. Хотя великій шейхъ бедуиновъ почти не имѣетъ судебной власти, но въ родовомъ устройствѣ, котораго теперь достигло общество, человѣкъ получаетъ въ это время уже нѣкоторое обезличеніе своей личности, потому что въ родовомъ устройствѣ у человѣка развивается понятіе солидарности и всѣ члены рода проникаются сознаниемъ обязанности мести за убитаго. Но месть за менѣ важныя оскорбленія все еще остается на обязанности каждаго. (Comte. t. 3. p. 7).

Это политическое устройство, котораго достигли бедуины, есть типъ первобытнаго родового государства. Отличительной чертой этого государства служить то, что его составныя части суть не индивиды или семейства, а роды. Оно есть ничто иное, какъ федерация родовъ, такъ какъ каждый родъ въ свою очередь образуетъ маленькое государство, въ главѣ котораго стоитъ патриархъ. Послѣ смерти патриарха, его дѣти раздѣляютъ имущество и образуютъ новые роды. Такое типическое родовое государство можетъ держаться только у кочевыхъ народовъ; какъ скоро они переходятъ къ земледѣлю, оно измѣняется и принимаетъ другія формы.

Перейдемъ теперь къ третьей формѣ — къ государству у земледѣльческихъ народовъ.

Переходъ изъ охотничьяго быта въ пастушескій могъ совершиться даже тогда, если отдѣльная личность или семья успѣла сдѣлать домашними стада рогатаго скота. Переходъ пастушескихъ кочевыхъ племенъ къ земледѣлю долженъ былъ совершаться цѣлыми родами и даже племенами, что вытекало изъ условій первобытнаго земледѣлія. Когда племя переходитъ изъ пастушескаго быта къ земледѣлю, оно обыкновенно еще владѣетъ весьма несовершенными орудіями для борьбы съ природой.

Робертсонъ, извѣстный писатель, собравшій свѣдѣнія о культурномъ состояніи первобытныхъ американцевъ, во время открытія Америки,

говорить, что въ это время они еще не знали употребленія желѣза и работали каменными орудіями; чтобы срубить дерево каменнымъ топоромъ былъ нуженъ мѣсяцъ работы, чтобы выдѣлать лодку—годъ, чтобы распахать небольшое поле, покрытое лѣсомъ, нужны усилія цѣлаго племени. (History of America т. 1 стр. 177). Если пастушеское племя переходитъ къ земледѣлію, то формы его политическаго устройства на первый разъ остаются тѣже, съ небольшими измѣненіями, вытекающими изъ сущности новыхъ условий. Землю, на которой селится племя, оно рассматриваетъ какъ общую собственность и дѣлитъ ее между родами. Въ политическомъ отношеніи остаются тѣ же формы, то есть во главѣ племени стоитъ князь, а родами управляютъ родовые старшины. Но очень скоро подъ этими формами начинаетъ вырабатываться совершенно иное содержаніе. Прежде всего первобытные, естественные роды, при лучшихъ средствахъ питанія, очень скоро растутъ и обращаются въ колѣна, или искусственные роды. Тотъ естественный родовой характеръ, который связывалъ членовъ рода, теперь становится уже невозможнымъ; вмѣсто связи родственной теперь должна появиться связь общественная, политическая, которая однако долгое время удерживаетъ многія черты, заимствованныя изъ естественнаго родового быта. Начальники этихъ родовъ уже не старшіе въ родѣ, но выборные изъ какой либо фамиліи, пріобрѣтшей общее уваженіе. Государство этого періода становится уже соединеніемъ не естественныхъ, но искусственныхъ родовъ и можетъ быть названо: „искусственно-родовое государство“.

Въ этой степеніи развитія государство имѣетъ особую центральную организацію и особую организацію колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Въ главѣ центральной организаціи стоитъ князь съ военно-судебной и отчасти административной властью, но главный пунктъ тяжести, такъ сказать, все еще поκειται въ организаціи искусственныхъ родовъ или колѣнъ. Но въ организаціи колѣна происходятъ два въ высшей степени важныя измѣненія. Первоначально колѣна, при несовершенствѣ земледѣльческихъ орудій, должны работать сообща, чтобы обработать сколько нибудь достаточный для пропитанія участокъ земли и плоды трудовъ дѣлять между всѣми участниками предпріятія. Но какъ только земля освобождена изъ подъ лѣса, какъ только человѣкъ нѣсколько пріучается къ работѣ, онъ спѣшитъ выдѣлать себѣ участокъ изъ общей собственности рода и работать лишь для своей семьи. На развалинахъ общей родовой собственности образуется собственность семейная, хотя идея общей принадлежности земли роду еще долго остается, какъ памятникъ старины, безъ существеннаго значенія. Такимъ образомъ, въ коммунальной формѣ общество остается только короткій періодъ и спѣшитъ оста-

вить его, какъ скоро является возможность, какъ форму, несвойственную его природѣ. Въ XVI столѣтіи іезуиты въ Парагваѣ хотѣли удержать эту переходную форму, но довели управляемый ими народъ до такого огулнѣнія и индиферентизма къ жизни, что путешественники называли Парагвай государствомъ рабовъ и наконецъ сами іезуиты были прогнаны возмущившимся народомъ. (Comte. *Traité de legisl.* t. IV. ch. XXXIII).

Посмотримъ на примѣры подобной организаціи государствъ.

У негритянскихъ народовъ Африки, стоящихъ на этой степени развитія, княжеское достоинство по большей части наследственно въ извѣстномъ семействѣ, приобрѣтшемъ себѣ издавна права первенства. Но наследство трона рѣдко идетъ по прямому колѣну, а по большей части наследуютъ дѣти сестры; влѣдствіе недовѣрія къ женщинамъ, племена думаютъ этимъ способомъ наследованія быть увѣренными, что ихъ князья, хотя по женской линіи, происходятъ отъ княжескаго рода. (Waitz. *Antropologie der Naturvölker* t. 11 p. 131, 2 t. III p. 124). Иногда князья замѣщаются посредствомъ выбора, но эти выборы происходятъ изъ членовъ извѣстной фамиліи и весьма рѣдко изъ членовъ вообще богатыхъ, аристократическихъ родовъ. У нѣкоторыхъ народовъ существуютъ два князя, изъ которыхъ одинъ есть военачальникъ, а другой занимается мирными дѣлами общаго управленія (Waitz t. III p. 124-5).

Власть князя все еще остается весьма слабою, потому что князья дѣлятъ ее съ главами родовъ, но, тѣмъ не менѣе, она получаетъ теперь нѣкоторые существенные атрибуты верховной власти. Во первыхъ, князья получаютъ судебную власть и стремятся ограничить родовую месть и самоуправство индивидовъ. Власть князя на столько усиливается, что онъ иногда даже казнить смертію нарушителей мира. Какъ бы для того, чтобы показать обществу, какъ необходима власть, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ, едва только умираетъ князь, какъ начинались разбой, грабежъ и всякаго рода безчинства, прекращавшіяся съ выборомъ новаго князя (Waitz t. II p. 143). Около князя теперь появляются нѣкоторые чиновники. Такъ, у одного первобытнаго малайскаго племени въ Австраліи, Менагнабао, подлѣ князя стоятъ два министра: одинъ для религіозныхъ дѣлъ, другой для юстиціи. Главный же совѣтъ націи обыкновенно состоитъ изъ князя и главъ родовъ. (Waitz t. V p. 139).

Гораздо замѣчательнѣе и разнообразнѣе устройство колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Самое первобытное устройство, когда земля, считающаяся общей собственностью, обрабатывается сообща и плоды дѣлятся по частямъ между участниками, находится у нѣкоторыхъ африканскихъ и американскихъ племенъ. (Waitz. t. II, p. 84). Но когда эта ступень быта исчезаетъ, то земля все еще считается собственностью

рода. Такую форму мы находимъ у поименованнаго выше малайскаго племени Менангнабао, на островѣ Суматрѣ. Роды или суку считаются тамъ настоящими собственниками земли, которую они заняли съ незапамятныхъ временъ, но каждая семья имѣетъ въ наслѣдственномъ пользованіи особый участокъ земли. Этимъ участкомъ семья или, лучше сказать, ея глава, распоряжается по произволу, т. е. продаетъ, даритъ, отдаетъ въ аренду, но съ согласія рода или его главы. Согласіе главы рода необходимо для обработыванія незанятой земли по близости деревни или въ полѣ, но разграничить землю лѣсную можетъ каждый. Если семейство умираетъ, то земля переходитъ въ родъ, который часто уступаетъ ее за извѣстное вознагражденіе члену другаго рода (Waitz t. V, p. 141). Точно также, у негритянскаго племени Крузъ земли разсматриваются какъ собственность родовъ, но ими владѣютъ на самомъ дѣлѣ семейства и передаютъ по наслѣдству какъ собственность. Въ отношеніи политическаго устройства въ родовой организаціи также происходитъ большія измѣненія, хотя остаются еще многія черты первобытнаго устройства. У приведеннаго выше племени Менангнабао во главѣ родовъ стоятъ пангулусы, званіе которыхъ наслѣдственно въ извѣстной фамиліи: они—судьи и администраторы родовъ. Члены рода обязаны повиноваться имъ; они даютъ имъ ежегодно подарки, помогаютъ имъ въ устройствѣ свадебъ и на свой счетъ празднуютъ ихъ похороны. Они смѣняются родомъ только за грубое нарушеніе родовыхъ обычаевъ.

Нѣкоторые племена, находясь въ формѣ искусственно родовыхъ государствъ, образуютъ племенные союзы. Весьма замѣчательный типъ такого устройства составляетъ союзъ Прокезовъ. Союзъ этотъ состоялъ изъ пяти племенъ, имѣвшихъ каждое свое независимое искусственно-родовое государство. Центральное правительство состояло изъ собранія родоначальниковъ, причемъ каждое племя имѣло одинъ голосъ, хотя число родоначальниковъ у каждаго племени было различно, отъ 8 до 14 членовъ.

Четвертую и послѣднюю форму первобытныхъ государствъ составляютъ первобытныя сословныя княжества, потому что существенной, составной частью такихъ государствъ являются уже не искусственные роды, а общественные элементы въ формѣ слабо организованныхъ сословій. Эта форма по своему существу уже близко родственна формѣ современныхъ государствъ. Она происходитъ двоякимъ образомъ: или посредствомъ измѣненія искусственно-родоваго государства, или посредствомъ завоеванія одного племени другимъ. Существенную особенность этой формы составляетъ то, что она допускаетъ самую разнообразную организацію центральной власти, т. е. верховная власть можетъ находиться

въ рукахъ князя, аристократіи и даже цѣлаго народа. Существенное отличіе отъ современныхъ государствъ при этомъ состоитъ въ небольшомъ пространствѣ земли и немногочисленности населенія этихъ первобытныхъ государствъ. При этой формѣ колѣнное устройство совершенно преобразуется въ административный округъ, или вотчину аристократовъ.

Главная, существенная причина упадка искусственно-родовой формы, сейчасъ нами разсмотрѣнной, заключается въ экономическомъ устройствѣ колѣнъ или искусственныхъ родовъ. Мы оставили колѣна тогда, когда у нихъ на развалинахъ коммунальной собственности образовалась собственность посемейная. Но эту форму мелкой, посемейной собственности удастся удержать лишь нѣкоторымъ племенамъ; наоборотъ, почти всегда поземельная собственность скопляется въ рукахъ одной или нѣсколькихъ фамилій, успѣвшихъ захватить власть въ родѣ, а масса свободныхъ собственниковъ переходитъ въ классъ полусвободныхъ и даже рабовъ. Причина этого факта заключается въ увеличеніи народонаселенія, причемъ мелкіе поземельные участки раздробляются до такой степени, что они уже не могутъ прокормить своихъ собственниковъ, которые продаютъ участки и переходятъ въ работники къ богатымъ землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, во главѣ колѣнъ становятся аристократы, а съ преобразованиемъ колѣннаго устройства преобразуется и центральное. Изъ княжества образуется аристократія или олигархія. Такъ, у одного африканскаго племени Бассуановъ земля принадлежитъ аристократамъ, бывшимъ прежде родовыми старѣйшинами; всѣ живущіе на землѣ обязаны давать имъ часть жатвы, но, какъ люди свободные, они имѣютъ право оставить земли одного аристократа, чтобы перейти на земли другого. (Waitz t. II, p. 347). Такое же явленіе замѣчалось у черкесовъ. У черкесскихъ племенъ есть три класса: владѣтелей или князей, свободныхъ людей и рабовъ. До войны съ Россіей черкескіе князья владѣли почти всей землей, принадлежащей свободнымъ родамъ и превратили свободныхъ людей въ классъ полусвободныхъ работниковъ, обязанныхъ отдавать часть жатвы. (Klemm. t. IV, p. 55).

Племя Крузъ и нѣкоторые другіе негритянскія племена успѣли сохранить въ родахъ посемейную собственность и изъ первобытныхъ княжествъ образовались тамъ маленькія республики. Замѣчательно политическое устройство племени Крузъ. Здѣсь верховная власть находится въ рукахъ совѣта, состоящаго изъ главъ родовъ. Этотъ совѣтъ рѣшаетъ важнѣйшія политическія дѣла. Рядомъ съ совѣтомъ главъ родовъ, стоитъ совѣтъ всѣхъ свободныхъ людей, въ рукахъ которыхъ находится законодательная власть. Администрація находится

въ рукахъ четырехъ чиновниковъ, изъ которыхъ два засѣдаютъ въ совѣтѣ старѣйшинъ и два другіе—въ общемъ совѣтѣ.

Подобныя же этому формы первобытнаго сословнаго княжества, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, образуются тогда, когда одно племя завоевываетъ себѣ другое и его жителей превращаетъ въ рабовъ.

При этомъ земля побѣжденнаго племени дѣлается собственностію завоевателей и дѣлится между ними. И здѣсь общія причины создаютъ общія формы, безъ отношенія къ расамъ, такъ что оцнѣ и тѣже формы мы находимъ у малайскихъ, негритянскихъ и американскихъ племенъ. Такъ малайцы на островахъ Дружбы создали истинно феодальное княжество. Во главѣ княжествъ стоятъ король и военачальникъ; вся земля раздѣляется на округа, находящіеся въ подчиненіи у двоихъ военачальниковъ, которые по степенямъ подчиняются одинъ другому и всѣ подчинены королю. Побѣдители составляютъ аристократію, на которую работаютъ побѣжденные племена. (Comte t. II, p. 363). Подобныя же учрежденія находятся у африканскаго племени Конго и американскаго племени Валтоніосъ.

Таковы формы первобытныхъ государствъ у народовъ, доселѣ находящихся на первой степени цивилизаціи, или находившихся на ней въ моментъ описанія путешественниковъ. Теперь мы обратимся къ древнѣйшему періоду историческихъ народовъ, чтобы, по сохранившимся остаткамъ изъ ихъ исторіи, убѣдиться, что и они проходили эти же періоды.

Изъ древнѣйшихъ восточныхъ народовъ всего болѣе мы знаемъ о родовомъ устройствѣ евреевъ.

Мы видѣли выше, что во времена Авраама евреи находились въ пастушескомъ бытѣ. Родоначальникъ дѣлилъ свое богатство между законными сыновьями отъ почетнѣйшихъ женъ, которые образовали новые роды. До такого сложнаго устройства, какое мы видѣли у бедуиновъ, евреи не успѣли дойти, потому что голодъ заставилъ ихъ переселиться въ Египетъ. Въ Египтѣ они перешли къ земледѣлію, что повело къ образованію искусственныхъ родовъ или колѣнъ. Здѣсь они должны были пройти степень первобытнаго коммунизма, отъ которой евреи сохранили въ древнѣйшемъ своемъ законодательствѣ идею принадлежности земли колѣну. Когда евреи вышли изъ Египта, они находились въ моментѣ искусственно-родоваго государства, потому что раздѣлялись на семьдесятъ родовъ, управляемыхъ старшинами. Были ли старшины выборными или наслѣдственными въ извѣстной фамиліи—это неизвѣстно. Моисей регулировалъ родовое устройство, сдѣлавъ изъ него тысячи, сотни и десятки. (Исх. Гл. XVIII,

XXIII, XXIV). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, вѣроятно послѣ завоеванія, изъ союза нѣсколькихъ, болѣе близкихъ родовъ образовалось племена, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные племенные князья (Числ. гл. XXXVI). Идея о принадлежности земли колѣну выработалась въ очень оригинальную форму. Земли, занятая евреями, принадлежитъ Богу, а потому никто не можетъ пріобрѣсти ее навсегда, такъ какъ всѣ евреи суть колонисты Бога. (Лев. гл. LXV стр. 23 и 24). Вся завоеванная земля раздѣлялась между колѣнами или племенами, которые были настоящими собственниками. Еврей, принадлежащій какому либо колѣну, никогда не терялъ правъ на землю своего колѣна. Всякій членъ чужаго колѣна могъ пріобрѣсти участокъ земли въ чужомъ колѣнѣ только въ пользованіе, на промежутокъ отъ одного юбилейнаго года до другаго. Черезъ каждыя 50 лѣтъ наступалъ юбилейный годъ, въ который происходило передѣлъ всей земли и всѣ, принадлежащіе колѣну, снова получали свои участки (ib.). Это первобытное устройство, вѣроятно, сохранялось до эпохи царей, потому что Самуиль пророчествовалъ, что короли возмутъ у народа лучшія земли и отдадутъ своимъ слугамъ. (Перв. кн. Цар. гл. VIII).

Второй восточный народъ, о родовомъ устройствѣ котораго мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя данныя—это индѣйцы.

Въ моментъ завоеванія, индѣйцы образовали нѣсколько племенъ, находившихся въ степени первобытнаго родового устройства. Эти племена совершили завоеванія отдѣльно, такъ что Индія никогда не составила единаго государства. (Dunker. Gesch. des Altert. t. I). Послѣ завоеванія, каждое племя раздѣлило землю между своими родами, которые образовали общины, съ общимъ пользованіемъ землею. Древнѣйшее индѣйское законодательство, Ману, сохраняетъ ясное указаніе такихъ учреждений. Поземельная собственность находилась въ обладаніи цѣлыхъ деревень или городовъ, что видно изъ предписаній Ману, на случай, когда зайдетъ споръ о правѣ собственности между деревнями. „Когда возникнетъ споръ между двумя деревнями о границахъ, тогда король въ извѣстный мѣсяцъ долженъ опредѣлить эти границы. Споры этого рода должны быть рѣшаемы допросомъ старожиловъ. Эти старожилы должны быть допрошены въ присутствіи большого числа крестьянъ, изъ обѣихъ сосѣднихъ общинъ. (Ману. гл. 8, стр. 245 и 254). Изъ первобытнаго искусственно-родового устройства у нѣкоторыхъ племенъ власть короля сдѣлалась деспотическою, у другихъ, наоборотъ, выработалась аристократія, стоявшая около короля, ограничивая его власть и захвативъ въ свои руки поземельную собственность (Dunker. t. I р. 19). Но даже и въ позднѣйшее время сохранились остатки общиннаго устройства

у тѣхъ племенъ, у которыхъ не образовалось аристократіи. Такъ, во многихъ индѣйскихъ княжествахъ есть и до сихъ поръ общины, владѣющія сообща землей, имѣющія своихъ судей, надсмотрщиковъ надъ водою и полями, которые получаютъ свое содержаніе отъ общины, частію посредствомъ участка земли, а иногда частію жатвы съ общинныхъ полей. (Dunk. t. 1, p. 104). Рядомъ съ крестьянской общиной уже въ древнѣйшее время существовала и отдѣльная собственность въ рукахъ жрецовъ и воиновъ. Законы Ману, дозволяя жрецамъ питаться сборомъ плодовъ, въ тоже время запрещаютъ имъ заниматься земледѣліемъ, что показываетъ, что они должны были или отдавать въ аренду земли, или обрабатывать ихъ посредствомъ рабовъ. (Lois de Manu. ch. IV). Въ другихъ мѣстахъ, законы Ману, допуская приобрѣтеніе земли давностію, допускаютъ предположить, что и крестьяне могли имѣть собственность (гл. VIII стр. 149, 222). Эти различные способы владѣнія землей показываютъ, что уже въ древнѣйшія времена индѣйская община удержалась не вездѣ; во многихъ мѣстахъ на ея развалинахъ образовалась индивидуальная собственность.

Весьма близкую связь съ родовымъ бытомъ имѣли классическія цивилизаціи Греціи и Рима. Исторія маленькихъ греческихъ городскихъ республикъ и ихъ учрежденія показываютъ, что они выработались подобнымъ же образомъ, какъ и негритянскія республики Африки. Учрежденія Спарты весьма близко напоминаютъ намъ устройство негритянскаго племени Крузь и составляютъ его дальнѣйшее развитіе. Какъ въ Спартѣ, такъ и у племени Крузь, высшая власть принадлежитъ собранію старѣйшинъ, а собраніе остальнаго народа играетъ подчиненную роль. Древняя Спарта раздѣлялась на три племени или колѣна, которыя раздѣлялись на обе, административныя участки, за которыми скрываются древніе роды. Орестъ Мюллеръ и Бекъ предполагаютъ, хотя это предположеніе и не раздѣляется Гротомъ, что въ древности каждое племя раздѣлялось на 10 обе, такъ что всѣ три племени образовали 30 обе, число спартанскихъ сенаторовъ. (Grote. Hist. de la Gr. t. 3 p. 285). Идея общности земли въ Спартѣ выработалась въ особое учрежденіе, въ формѣ общихъ столовъ. Самое преданіе о дѣлѣжъ земель, сообщаемое Плутархомъ, можетъ имѣть смыслъ, какъ первоначальное дѣленіе при завоеваніи, которое позднѣе могло быть регулировано Ликургомъ.

Еще болѣе замѣтные слѣды родового устройства мы находимъ въ учрежденіяхъ Аѳинъ.

Въ основаніи аѳинскаго государства лежали четыре племени. Каждое племя раздѣлялось на три фратріи, каждая фратрія дѣлилась на 30 родовъ, такъ что все государство дѣлилось на 4 племени, 12 фратрій, 360 родовъ и 10800 семействъ. Это дѣленіе, очевидно, искусственное, въ под-

ражаніе временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, но за нимъ должно скрывать-ся первобытное естественное родовое устройство. Гротъ, отрицая численную правильность этого дѣленія, тѣмъ не менѣе признаетъ дѣленіе на племена, роды и семейства. „Основой дѣленія, говоритъ Гротъ, было семейство; большее или меньшее число семействъ составляло родъ. Этотъ родъ былъ подобіемъ клана, потому что имѣлъ особыя религиозныя церемоніи, общія всѣмъ членамъ рода; во 2-хъ, родъ имѣлъ общія мѣста для погребенія; въ 3-хъ, обоюдныя права въ отношеніи наслѣдства; въ 4-хъ, обоюдныя обязанности поддерживать обвиненія, если одинъ изъ членовъ рода былъ убитъ; въ 5-хъ, члены рода имѣли ближайшее право жениться на дѣвушкѣ сиротѣ, наслѣдницѣ родового участка земли; въ 6-хъ, существовала особая родовая казна. (Grote t. 4 p. 95). Роды, говоритъ далѣе Гротъ, составляли компактные тѣла, какъ въ отношеніи имуществъ, такъ и въ отношеніи личностей. До времени Солонаникто не имѣлъ права завѣщать свое имущество. Если кто либо умиралъ бездѣтнымъ, члены рода наслѣдовали его имущество, что соблюдалось и послѣ Солонани, если умирающій не оставлялъ завѣщанія. Если кто либо изъ членовъ рода оставлялъ послѣ себя бѣдную сироту, то родъ долженъ былъ доставить ей приданое (ib. стр. 107).

Первоначальная исторія Рима напоминаетъ намъ другую форму первобытныхъ государствъ, форму, которую мы видѣли у американскихъ прокезовъ, — это союзъ трехъ разноплеменныхъ народовъ, образовавшихъ единое государство. Два различныхъ племени, латинское и сабинское, жили рядомъ, на двухъ холмахъ, образуя самостоятельныя, искусственно-родовыя государства. Каждое имѣло своего князя и свой совѣтъ старѣйшинъ. Соединеніе обоихъ племенъ неизгладимыми чертами сохранилось въ памяти народа, потому что въ Капитоліи долго показывали мѣсто, гдѣ былъ домъ Тація (Niebuhr Hist. t. I, p. 268). Когда соединились два города на равной ногѣ, они построили на пути отъ одного къ другому двойной янусъ для того, чтобы имѣть сообщеніе между собою и въ тоже время оставаться отдѣльными, такъ какъ каждый городъ имѣлъ свои особыя ворота (ib. стр. 270). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе обоюдныхъ браковъ и общаго культа, это соединеніе укрѣпилось и изъ двухъ племенъ образовалось одно государство, имѣвшее одного князя и общій сенатъ, состоявшій изъ представителей родовъ. По соединеніи, оба племени стали носить названія трибъ, Ramnenses и Titienses, во имя двухъ предполагаемыхъ родоначальниковъ. Къ этимъ двумъ племенамъ впоследствии присоединилось третье — этрусское. Но изъ этихъ трехъ племенъ два остались преобладающими, а третье на свою часть получило не всѣ права. Всѣ три племени были уравнены въ томъ отношеніи, что

каждое изъ нихъ посылало въ общее собраніе одинаковое число представителей родовъ. Каждое племя раздѣлялось на роды или *gentes*. Эти роды, конечно, уже въ моментъ образованія единого государства были искусственными родами или колѣнами, на что указываетъ равное ихъ число, по 100 родовъ для племени. Каждое племя прежде своего соединенія считало землю, на которой оно сидѣло, своею землею. Каждое племя, соединяясь въ цѣлое римскаго народа, отдавало свои земли ему и получало ихъ обратно для пользованія. Изъ этихъ племенныхъ земель образовался римскій *ager publicus*. (Niebuhr. t. 2 p. 187). *Ager publicus*, священная земля, принадлежавшая государству, находилась въ обладаніи родовъ и семей, при чемъ идея принадлежности земли государству нисколько не мѣшала семьямъ продавать свои земли и вообще поступать съ ними какъ съ собственностью. Эта живая идея общаго поля указываетъ на то время, когда роды жили въ первобытномъ коммунизмѣ. Слѣды этого остались даже въ позднѣйшей организаціи *gentes*. „Союзъ, основанный родами, говоритъ Игерингъ, (*Geist des römisch. Rechts t. I, p. 185*) обнималъ все существованіе индивида; всѣ интересы, двигавшіе его жизнь, связывали его съ родомъ, въ которомъ онъ находилъ если не полное удовлетвореніе, то, по крайней мѣрѣ, соединительный пунктъ. Какъ въ почитаніи божества, такъ и во время войны, въ моментъ пользованія политическими правами, индивидъ стоялъ съ родомъ и даже по смерти его тѣло покоилось въ общей родовой гробницѣ. Во время самыхъ священныхъ и серьезнѣйшихъ моментовъ жизни, въ храмѣ и на полѣ борьбы, члены рода стояли рядомъ; стыдъ и честь, счастье и несчастье они дѣлили вмѣстѣ. Связь эта обнаружилась двоякимъ образомъ, частью въ правахъ индивида въ отношеніи рода и обратно. Индивидъ имѣлъ право требовать отъ рода защиты, а родъ имѣлъ право ограничивать волю индивида. Такъ родъ назначалъ опекуна надъ малолѣтнимъ; родъ обязанъ былъ преслѣдовать убійцу члена рода въ судѣ. Родъ обязанъ былъ подавать помощь въ случаѣ несчастія. Послѣ вымершей семьи родъ наследовалъ имущество.

Подобныя же первобытныя формы мы находимъ и у новыхъ народовъ германскаго и славянскаго племени. Въ первомъ и второмъ столѣтіи по Р. Х. все пространство нынѣшней Германіи было занято многочисленными племенами, изъ которыхъ одни уже образовали у себя племенные княжества, а другія жили отдѣльно, подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ. Тотъ же порядокъ вещей мы находимъ у англосаксовъ въ гораздо позднѣйшее время. Въ древнее время Англія раздѣлялась не только на 8 королевствъ, о которыхъ знаетъ исторія, но на огромное число маленькихъ племенныхъ княжествъ, отъ жизни которыхъ сохранились лишь

слабые остатки. Такъ небольшой Кентъ имѣлъ по крайней мѣрѣ два королевства. Королевство Мерція имѣло маленькую область Исксошь, которая имѣла нѣсколько племенныхъ князей. (Kemble. *Die Sachsen in England* p. 120. т. I). Это безконечное дробленіе и безъ того маленькихъ королевствъ указываетъ, что и въ древнѣйшей Англіи существовали маленькіе родовые князья и даже простые старшины родовъ. Хотя характеристическія черты родового устройства весьма ясно сохранились, какъ мы увидимъ ниже, въ первобытномъ устройствѣ германцевъ, но многіе нѣмецкіе писатели готовы его совершенно отвергать, создавая для германцевъ особые законы быта. Три характеристическихъ признака показываютъ несомнѣнно существованіе родовой организаціи у германцевъ. Во первыхъ, даже у тѣхъ племенъ, которыя имѣли племенныхъ князей, существовали рядомъ съ ними самостоятельные начальники, которыхъ Тацитъ называетъ *principes* въ отличіе отъ князя, котораго онъ называетъ *rex*. Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, Беда, говоритъ о континентальныхъ саксонцахъ, что *non enim habent regem udem antiqui Saxones, sed satrapos plurimos, suae genti praepositos*. (Kembl. p. 116). Эти *principes* или сатрапы Беды очевидно должны быть главы родовъ. Что эти *principes* были выборными въ родахъ, это нисколько не противорѣчитъ сущности родового устройства. Во вторыхъ, германцы имѣли двоякаго рода общественныя собранія: собранія цѣлаго племени, подъ начальствомъ короля, и частныя, подъ начальствомъ *principes*. Дѣла менѣе важнѣйшія, говоритъ Тацитъ, обсуждаются посредствомъ *principes*, важнѣйшія — всѣми. (Tacit. *De mor. ger. sar.* XI). Далѣе онъ говоритъ, что роды даютъ своимъ *principes* небольшіе дары, въ формѣ рыбы и скота (*Ib.* *сар.* XV).

Наконецъ, въ 3-хъ, на это указываетъ способъ обладанія землей. Даже въ позднѣйшее время роды имѣли марки, т. е. родовыя земли. Даже Вайцъ, вообще отрицающій существованіе родовой системы у германцевъ, признаетъ, „что были въ древней Германіи области, гдѣ члены не ограничивались союзомъ деревни, но имѣли общеніе въ отношеніи пастбищъ, луговъ и даже пахатной земли. (Waitz. *Deutsche Verfassungsgesch.* т. 1. p. 123). Такого рода устройство одно заставляло бы предполагать существованіе первобытнаго родового коммунизма, еслибы на это не указывали прямо Цезарь и Тацитъ. Цезарь прямо говоритъ, что никто у германцевъ не имѣлъ земли въ собственность, но короли и *principes* каждый годъ дѣлили землю между сочленами рода, составлявшими одно цѣлое и жившими вмѣстѣ. Тацитъ говоритъ (гл. XXVI), что земли дѣлились германцами въ племени *per vires* по количеству рукъ, а внутри этихъ *vires* по достоинству. Очевидно, Тацитъ словомъ *vires* означаетъ роды,

принадлежащіе одному племени, которые брали на свою долю большее или меньшее количество земли, сообразно числу членовъ, а въ самомъ родѣ старѣйшіе и аристократы получали на свою долю большее число земли. Писатели, отрицающіе родовой бытъ у германцевъ, весьма простыя и ясныя слова Тацита и Цезаря относятъ къ будтобы существовавшей у древнѣйшихъ германцевъ трехпольной системѣ хозяйства.

Если, по моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что во времена Тацита германцы находились въ родовомъ быту, даже въ первой ступени этого быта, образуя, какъ мы назвали, естественно—родовыя государства, то есть также всѣ признаки, что они прошли форму искусственно-родового государства и форму первобытно-сословнаго государства.

Уже Тацитъ упоминаетъ о существованіи аристократіи, какъ класса людей, уважаемыхъ за ихъ высокое происхожденіе, и класса рабовъ, не имѣющихъ личной свободы и принадлежащихъ, какъ собственность, извѣстнымъ лицамъ. Существованіе этихъ двухъ классовъ, какъ мы видѣли, возможно и среди естественно-родового государства. Аристократы въ это время суть ничто иное, какъ семьи, уважаемыя за ихъ близкое происхожденіе отъ родоначальниковъ. Точно также и рабы, происшедшіе отъ завоеванія или другихъ причинъ, не были многочисленны и занимались работою на поляхъ своихъ господъ, вмѣстѣ съ своими женами, но этотъ порядокъ вещей могъ держаться до тѣхъ поръ, пока германцы вели полукочевой, полукочевой бытъ. Какъ скоро племена прочно осѣлись, они перешли къ формѣ искусственно-родовыхъ государствъ, т. е. родовыя марки распались и на ихъ развалинахъ образовалась посемейная собственность. Первобытные родоначальники, старики (*Greise*), превратились въ графовъ, съ властію, далеко превосходившею власть первобытныхъ родоначальниковъ. Наконецъ, естественный ходъ вещей завершился тѣмъ, что большая часть мелкихъ поземельныхъ собственниковъ должны были отдать земли графамъ и изъ свободныхъ людей превратиться въ крѣпостныхъ.

Наконецъ, подобный же процессъ развитія мы можемъ указать у первобытныхъ славянъ. Въ географическихъ запискахъ мюнхенской рукописи, составитель которой жилъ въ концѣ 9-го вѣка, находится исчисленіе славянскихъ племенъ, при чемъ авторъ почти о каждомъ незначительномъ племени говоритъ, что оно имѣло 70 и даже 200, 300 и 400 *civitates* — слово, подъ которымъ онъ, вѣроятно, разумѣлъ первобытныя родовыя государства. (Шафарикъ. Слав. Древ. т. 2, кн. I, стр. 216). Современные писатели отъ 6 до 10 вѣка, какъ Прокопій, Титмаръ Мерзербургскій и Константинъ Порфирородный говорятъ, что славяне не знали наслѣдственныхъ князей, но ихъ роды управлялись старостами на родовыхъ собраніяхъ. Для родовой земли славяне имѣли

собственное названіе жупы, соотвѣтственное нѣмецкому Gau, потому что въ жупѣ жило нѣсколько родовъ. Жупы состояли изъ города и прилегающей къ нему области; вотъ почему, вѣроятно, мюнхенскій географъ говоритъ о славянскихъ civitates. Никакихъ подробностей о внутреннемъ устройствѣ жупъ мы не знаемъ, но, вѣроятно, ихъ организація была подобна организаціи того, что мы назвали естественно-родовое государство.

Гораздо рельефнѣе видѣнъ второй моментъ развитія, когда жупы сами сдѣлались частями искусственно-родового государства. Въ особенности это видно въ исторіи сербовъ и чеховъ, которые сохранили славянскую жупу. Въ 8, 9 и 10 столѣтіи славянскія родовыя государства начинаютъ группироваться около нѣсколькихъ центровъ, что произошло или путемъ союза, вынужденнаго обстоятельствами, или путемъ завоеванія. Во главѣ чеховъ въ 9-мъ столѣтіи стояли герцоги. „Нѣмецкіе аналиты изображаютъ богемскихъ герцоговъ, говоритъ Палацкій (Gesch. von Böhmen t. I, p. 162), не какъ верховныхъ владѣтелей земли и народа, но какъ первыхъ между множествомъ мелкихъ князей.“ Это явленіе объясняется изъ измѣненій, происшедшихъ въ организаціи жупъ. Вѣроятно, уже въ первый періодъ развитія, у славянъ, какъ и у германцевъ, были нѣкоторыя фамиліи, пользовавшіяся особымъ уваженіемъ и называвшіяся лехитами или шляхтичами. Въ древнѣйшемъ устройствѣ, славяне, вѣроятно, обрабатывали землю сообща, т. е. жили въ первобытномъ коммунизмѣ, слѣды котораго остались въ русской общинѣ; за этимъ, по естественному ходу вещей, послѣдовалъ второй періодъ, когда земля раздѣлилась между всѣми свободными людьми. Въ это время славянскіе аристократы, какъ и нѣмецкіе, должны были получить на свою долю большіе, чѣмъ другіе, участки земли, потому что въ глубокой древности у славянъ аристократы были большими землевладѣльцами. Весьма естественно, что эти фамиліи пріобрѣли значеніе и сдѣлались князьями въ своихъ жупахъ. Этотъ классъ образовалъ въ Богеміи аристократію, имѣющую первенствующее значеніе. Въ Сербіи обширное государство начало образоваться въ XI вѣкѣ, причемъ князья здѣсь носили титулъ „великихъ жупановъ“; это одно уже показываетъ, что рядомъ съ ними были и простые жупаны. Но въ Сербіи княжеская власть развилась очень быстро и успѣла подавить развитіе аристократіи, сдѣлавъ изъ жупановъ своихъ чиновниковъ.

Но какъ въ Сербіи, такъ и въ Чехіи, второй періодъ, когда въ жупахъ, рядомъ съ большими землевладѣльцами, существовала масса мелкихъ собственниковъ, былъ непродолжителенъ. Уже въ XI и XII вѣкѣ масса свободныхъ чеховъ и сербовъ обратилась въ классъ полусвободныхъ и рабовъ.

Таковъ былъ, мм. гг. ходъ развитія первобытныхъ государствъ у всѣхъ народовъ. Это сходство, почти тожество формъ развитія, мнѣ кажется, ясно сказываютъ на то, что обществомъ управляютъ законы, лежащіе внутри человѣческой природы. Первобытные народы какъ бы сами собою стремятся къ тѣмъ формамъ общественной и государственной жизни, которыя окружаютъ насъ. Чѣмъ болѣе развивается племя, тѣмъ болѣе оно усиливаетъ центральную власть, которая одна даетъ порядокъ и безопасность обществу. Семейство и личность стремятся выдѣлится себя изъ родовъ, чтобы жить индивидуально и самостоятельно.

БЫГЛЫЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

СОВРЕМЕННОЕ ОТНОШЕНІЕ ХИМІИ

КЪ НАУКЪ О ЖИЗНЕННЫХЪ ОТПРАВЛЕНІЯХЪ ЖИВОТНЫХЪ ОРГАНИЗМОВЪ.

(Рѣчь доцента Фудаковского).

ММ. ГГ.

Позвольте данное мнѣ Университетскимъ Совѣтомъ право слова, въ нынѣшній торжественный день, посвятить въ честь родства и единства всѣхъ наукъ — этой самой возвышенной идеи въ цѣляхъ, къ которымъ онѣ стремятся.

Пытливая мысль наша и познание наше могутъ обращаться ко многочисленнымъ, качественно различнымъ предметамъ и ихъ взаимнымъ отношеніямъ и отсюда-то происходитъ разнородность наукъ. Необходимость гармоніи и согласія въ выполненіи задачъ всего процесса нашего мышленія и познания — въ стремленіяхъ нашихъ къ познанию истины, вытекаетъ изъ тѣхъ же самихъ законовъ, которыми управляется наша мысль, изъ общихъ формъ, владѣющихъ всѣмъ нашимъ процессомъ мышленія. Созданіе интегральной, однообразной цѣлости изъ всего возможнаго для насъ знанія, гармоническое организованіе и обнятіе всей совокупности идей, причинное соединеніе всѣхъ нашихъ познаній, составляютъ высочайшую цѣль нашихъ мыслей. Родство наукъ мы усматриваемъ не только въ одинаковомъ стремленіи къ достиженію высшихъ цѣлей, не только, слѣдовательно, въ стремленіи удовлетворить тому внутреннему интересу нашему, ради котораго мы въ самой разнородности и разнообразности ищемъ единства и общей гармоніи, — мы усматриваемъ его и въ подобіи прогрессивнаго развитія отдѣльныхъ наукъ, а также и въ стрем-

леніи къ приложенію одинаковыхъ или, по крайней мѣрѣ, однородныхъ методовъ, одинаковыхъ единицъ мѣры для изслѣдуемыхъ ими предметовъ.

Я намѣренъ, мм. гг., представить вамъ вкратцѣ ту зависимость, которая связываетъ химію и научную медицину, изобразить въ общихъ чертахъ то обоюдное взаимодѣйствіе, которое науки эти въ своемъ постепенномъ развитіи оказываютъ одна на другую. Этимъ я выполню отчасти также и только что выраженное мною предложеніе: я принесу дань чести идеѣ единства и родства всѣхъ наукъ вообще.

Живымъ выраженіемъ стремленія къ осуществленію этой высокой идеи служить университетъ. Отрасли знанія, входящія въ составъ университета, обнимаютъ собою, до извѣстной степени, цѣлый запасъ извѣстныхъ намъ объективныхъ явленій вещественнаго міра, а равно и реальныхъ идей, истинъ, разрѣшенныхъ силой способности мышленія человѣческаго духа.

Не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе отдѣльныхъ наукъ, какъ въ отношеніи отдѣльныхъ, болѣе или менѣе важныхъ объективныхъ истинъ, такъ и обобщающихъ принциповъ и теорій, было и есть въ зависимости отъ извѣстной общности въ цѣляхъ и средствахъ, отъ взаимодѣйствія ихъ другъ на друга, на пути ихъ постепеннаго развитія. Провѣриваніе и употребленіе въ свою пользу результатовъ одной науки другою представляютъ ту крѣпящую ихъ силу, ту помощь, которую онѣ приносятъ одна другой. Много доказательствъ этого представляютъ намъ физическія науки: физика и химія. Если въ ряду естественныхъ наукъ существуетъ такая связь между науками, занимающимися главнымъ образомъ предметами неорганическаго міра, то связь эта еще явственнѣе между органическими науками, изслѣдующими строеніе и функціи организованныхъ и одаренныхъ жизни существъ. Организованное существо въ отношеніи своего развитія, условій своего быта, своихъ отношеній къ веществамъ неорганизованнымъ, представляетъ такой многосторонній и богатый матеріалъ для изслѣдованій, что ему одному посвященный трудъ человѣка строить изъ него особые отдѣлы науки, находящіеся, по единству предмета, въ извѣстномъ между собой единеніи. По мѣрѣ прогрессивнаго развитія этихъ наукъ, границы каждой изъ нихъ, постепенно расширяясь, сближаются съ границами другой, появляются все новые пункты ихъ соприкосновенія, все тѣснѣе затыгиваются узлы, связывающіе естественныя науки съ науками общественными и т. д. Достаточно, говоря о ботаникѣ и зоологій, имѣющихъ предметомъ организованныя существа—растенія и животныя, въ отношеніи ихъ отдѣльныхъ особей и ихъ классификаціи, вспомнить о географіи растеній, географіи физической и политической, о геологій, геогнозій, палеонтологій и т. п., чтобы рѣзче выразились, сдѣлались

болѣе явственными узлы, соединяющіе эти отдѣлы знанія. Сродство между ними необходимо, такъ какъ всѣ онѣ работаютъ надъ изслѣдованіемъ прошедшаго и настоящаго нашей планеты въ цѣльности, затѣмъ, слѣдовательно, надъ настоящимъ и прошедшимъ существъ организованныхъ изъ нея и на ней появившихся. Помогая себѣ взаимно, онѣ достигаютъ познанія чудесной правильности, приходятъ къ познанію цѣлаго міра явленій, онѣ начертываютъ границы возможности своего познания и знанія и чрезъ это самое становятся болѣе точными науками.

Среди этой разнородности наукъ, имѣющихъ предметомъ своего изслѣдованія неорганизованную, организованную и мыслящую природу, химія и медицина связаны очень тѣсно одна съ другою, одна сильно влияетъ на развитіе другой. Эти взаимныя ихъ отношенія съ теченіемъ времени возрастали и возрастаютъ все болѣе и болѣе. Это есть необходимое слѣдствіе прогресса,—такъ какъ чѣмъ болѣе данная наука обогащается фактами и вытекающими изъ нихъ принципами, законами и теоріями, тѣмъ плодотворнѣе становится ея вліяніе на другія науки, повидимому очень даже далекія отъ нея по своему предмету и содержанію.

Исполненіемъ моего намѣренія неизбѣжно доставляю я удовлетвореніе упомянутой умственной потребности нашей, состоящей въ открытіи единства, среди разнообразія въ насъ и внѣ насъ совершающихся явленій. Бѣглый взглядъ на вещественныя явленія представитъ намъ выгодный къ достиженію нашей цѣли исходный пунктъ. Изъ современнаго обобщающаго, дедуктивнаго нашего пониманія явленій природы, явствуетъ и тѣсная связь, существующая между химіею и медициною.

Когда мы разсматриваемъ причины всѣхъ доступныхъ для относительно слабыхъ силъ нашего познанія естественныхъ явленій, когда стараемся узнать тѣхъ дѣателей, которые составляютъ причину всякаго движенія и жизни, какъ въ неорганизованной, такъ и въ организованной природѣ, то отличаемъ два образа дѣйствія побудительныхъ причинъ, т. е. силъ,—отличаемъ двѣ формы явленій. Разницы тутъ, по всей вѣроятности, только количественны. Въ однихъ явленіяхъ притягательныя и отталкивающія силы, которыми надѣлены вещественныя частицы, обнаруживаются и между большими массами матеріи и на большихъ пространствахъ; ими обусловливается прогрессивное движеніе этихъ массъ. Въ другихъ-же, именно явленіяхъ звука, свѣта, теплоты и химическаго дѣйствія, проявляются эти силы между неистощимо-мелкими частицами матеріи, на неизмѣримо-малыхъ пространствахъ, или-же при непосредственномъ ихъ соприкосновеніи; ими обусловливаются движенія этихъ вещественныхъ частицъ. Эти-то послѣднія силы называемъ молекулярными силами, а возбуждаемыя ими движенія молекулярными движеніями.

Въ свойствахъ чувствъ нашихъ лежитъ причина, что эти невидимыя движенія матеріи, въ явленіяхъ свѣта и др., кажутся намъ особеннымъ родомъ дѣйствій, что мы не отличаемъ въ нихъ элементовъ пространства и времени, какъ въ видимыхъ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Эти то силы, различіемъ вызванныхъ ими движеній, составляютъ главную причину разнообразности явленій, которыя мы узнаемъ помощію нашихъ чувствъ. Онѣ то переходомъ однихъ формъ движенія въ другія поддерживаютъ вѣчную свѣжесть, вѣчную юность количественно - неизмѣнной матеріи. Ихъ вліянію подчиненъ каждый предметъ, подлежащій нашимъ чувствамъ: его форма и химическій составъ, вся его сущность и бытіе, съ минуты его появленія, до послѣдней минуты его существованія. Познаніе условий и законовъ дѣйствія этихъ силъ, надлежащее изслѣдованіе послѣдствій этого дѣйствія въ соответствующихъ каждой изъ нихъ предѣлахъ, развитіе механики невидимыхъ молекулярныхъ движеній, становятся необходимыми для человѣка, желающаго извлечь изъ нихъ возможную пользу для различныхъ своихъ цѣлей. Усилія эти приводятъ насъ къ той непоколебимой въ наше время истинѣ, что объясненіе и разумѣніе всѣхъ вещественныхъ явленій и процессовъ въ природѣ возможно только на пути физическаго и химическаго изслѣдованій. Познание же этими путями явленій природы включаетъ и обнимаетъ собою также познание явленій, происходящихъ въ человѣческомъ организмѣ, въ организмахъ животныхъ и растительныхъ. Въ наукахъ, объясняющихъ намъ физическія и химическія явленія природы, мы черпаемъ необходимыя средства и данныя для изслѣдованія строенія, состава и функций нашего тѣла. Общая наука объясняетъ намъ частности, такъ какъ она обнимаетъ ихъ собою; каждая частность стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлостію, съ общею наукою, такъ какъ каждая изъ нихъ составляетъ часть этой цѣлости. Наука, изслѣдующая и объясняющая намъ законы, которымъ подлежитъ матерія вообще, указываетъ намъ въ тоже время законы неуклонно обязательные и для той части матеріи, которая образуетъ нашъ организмъ. Она показываетъ и объясняетъ намъ все, заслуживающее вниманія и доступное для насъ, касающееся какъ вообще всей матеріи, какую видимъ мы на поверхности нашей планеты, такъ и той, изъ которой состоитъ наше собственное тѣло.

Ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что наше тѣло устроено, организовано и химически сложено по способу совершенно особенному, одному ему свойственному. И мы принадлежимъ къ той цѣлости, которую составляетъ совокупность животнаго и растительнаго міровъ. Организмъ нашъ, это украшеніе всего организованнаго созданія, стоитъ на одной грани того безчисленнаго ряда организованныхъ существъ, который, на

противуположной сторонѣ, замыкается едва замѣтными для вооруженнаго глаза наливочными животными и грибами.

При обсужденіи созданій искусства, мы, для болѣе точной ихъ оцѣнки, сравниваемъ ихъ съ произведеніями руки одного и того-же художника или даже разныхъ художниковъ. Это важное средство при познаваніи нашемъ оказываетъ также и намъ огромныя услуги при изслѣдованіи состава, сложенія и наконецъ функцій нашего собственного организма. Болѣе глубокій взглядъ на всю организованную природу, сравнительное изученіе разныхъ организмовъ и соотвѣтствующаго имъ химическаго состава, отправленій и т. д., создаютъ въ насъ понятіе о подобіи строенія, химическаго состава и функцій, проявляющемся болѣе или менѣе выразительно на различныхъ ступеняхъ организаціи, хотя въ этой аналогичной постепенности мы должны, въ очень многихъ отношеніяхъ, признать за нашимъ организмомъ высшую степень совершенства. Этого рода сравнительныя изслѣдованія, вмѣстѣ съ изученіемъ неорганическихъ тѣлъ, приводятъ насъ къ ясному дедуктивному познанію всей природы, къ уразумѣнію выше уже приведенной, хотя и въ другой формѣ высказанной уже истинны, которая составляетъ для мысли нашей высочайшую и плодотворнѣйшую добычу. Именно мы убѣждаемся, что мы не болѣе какъ крошечная частица той необъятной массы матеріи, которая окружаетъ насъ. Въ вещественныхъ проявленіяхъ нашей жизни мы видимъ правильную игру тѣхъ самихъ силъ, которыя однако происходятъ среди болѣе или менѣе измѣненныхъ условій, созданныхъ организаціей и жизнью. Такое убѣжденіе служитъ намъ нитью Аріадны, ведущею насъ къ познанію нашей вещественной жизни, ведущею отъ грубаго эмпиризма къ истинному познанію условій нормальнаго хода этой жизни и всѣхъ отступленій отъ этой нормы, къ познанію источниковъ и причинъ болѣзней, которымъ мы подвергаемся, къ познанію существа ихъ, а также и соотвѣтственныхъ средствъ, предупреждающихъ и устраняющихъ болѣзни.

Убѣжденіе это отнюдь не есть прихоть матеріализированія всего нашего существа; нѣтъ въ немъ ничего унижительнаго ни для нашего достоинства, ни для положенія нашего среди всего міросозданія. Оно касается только вещественной стороны нашей жизни, составляя, тѣмъ не менѣе, плодъ благороднѣйшаго въ насъ начала—плодъ высокой любви нашей къ истинѣ. Оно приводитъ только нашу вещественную жизнь въ гармоническое единство и согласіе съ вещественною жизнью другихъ живущихъ созданій, ставя насъ однакоже и въ этомъ отношеніи на самую высшую ступень извѣстнаго совершенства.

Этотъ взглядъ, который мы развили выше и который принесъ уже

намъ огромную пользу, рѣзко высказанъ словами одного изъ очень заслуженныхъ тружениковъ въ изслѣдованіи вещественной нашей жизни тѣмъ путемъ, по которому мы идемъ нынѣ. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, на разсвѣтѣ этихъ болѣе ясныхъ взглядовъ, они пролагали дорогу для выполненія нашихъ задачъ въ этой мѣрѣ. „Задача естественныхъ наукъ—,научали они—состоитъ не только въ изслѣдованіи явленій и законовъ, которыми управляются такъ называемыя мертвая и живая природа, но, необходимо еще привести ихъ въ систематическую связь. Чѣмъ болѣе мы углубляемся въ тайны природы, чѣмъ болѣе сближаются между собою различныя отрасли естественныхъ наукъ, тѣмъ болѣе становятся близкими къ истинѣ наши понятія о силахъ, управляющихъ обоими царствами. Кто отрицаетъ эту связь, тотъ не найдетъ ея; кто же ищетъ ее безъ предубѣжденія—найдетъ ее на столько, на сколько она дѣйствительно существуетъ“.

Окончательное отступленіе отъ лабиринта отвлеченныхъ умствованій, посредствомъ которыхъ, довольно далекое уже отъ насъ, прошлое хотѣло узнать и изслѣдовать міръ осязательныхъ для насъ явленій, двинуло насъ рѣшительно впередъ и принесло намъ вмѣстѣ съ этимъ неоспоримую, осязательную пользу. Изъ запаса нашихъ знаній, при помощи которыхъ мы можемъ объяснять жизнь нормальную или здоровую и жизнь ненормальную или болѣзненную, тѣ только опираются на вѣрныхъ основанійхъ—на сколько наше сужденіе при изслѣдованіи явленій чрезвычайно сложныхъ и измѣнчивыхъ, можетъ быть вѣрное—которые мы добыли посредствомъ физическаго и химическаго методовъ изслѣдованія. Въ наукѣ, доискивающейся конечной причинной связи, между вещественными функциями животнаго организма и тѣми элементарными условіями, которыя она открываетъ въ организмѣ, именно въ физиологіи, тѣ ея отдѣлы наиболѣе развиты въ научномъ отношеніи, или по крайней мѣрѣ находятся на пути къ такому развитію, которые заимствовали свои методы изслѣдованія отъ физики и химіи. Физиологія же для медицинскихъ наукъ составляетъ стволъ, изъ котораго прочіе отдѣлы медицинскаго знанія развиваются какъ вѣтви.—Иначе и быть не можетъ, такъ какъ между процессами животнаго организма и явленіями неорганической природы находимъ много сторонъ подобныхъ: большая часть вещественныхъ органическихъ процессовъ въ животномъ организмѣ суть процессы физическіе или химическіе. Организмъ, въ правильномъ теченіи его отправленияхъ, подвергается разнороднымъ и сильнымъ вліяніямъ, нарушающимъ болѣе или менѣе эту правильность. Эти вліянія, причиняющія нарушение правильности въ строеніи, въ отправленияхъ, могутъ быть слѣдствіемъ вѣшнихъ причинъ физическаго или химическаго свойства. Вліянія эти слѣ-

довательно однородны по своему существу и дѣйствию на насъ съ существомъ органическихъ нашихъ процессовъ, а равно съ существомъ дѣйствія лекарственныхъ нашихъ средствъ, т. е. средствъ, восстанавливающихъ въ насъ нарушенную правильность.

Основной законъ, что нѣтъ работы безъ соотвѣтственнаго потребленія матеріи, приложенъ уже въ значительныхъ размѣрахъ и прилагается все болѣе и болѣе въ научной медицинѣ къ процессамъ нашего организма. Потребленіе матеріи, составляющей наше тѣло, это, въ окончательномъ результатѣ, есть вся сущность процессовъ производящихъ изъ нея болѣе стойкія химическія соединенія, которыя или удаляются изъ организма, какъ бесполезныя уже для него вещества, или остаются въ немъ и подвергаются дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Потребленіе матеріи въ этомъ смыслѣ создаетъ работу, силы свойственныя живому организму и необходимыя для него: теплоту, движеніе массъ нашего тѣла вслѣдствіе работы произведенной мышцами и т. п. Эти измѣненія матеріи, выработка соковъ и составныхъ частей нашего организма—все это химическіе процессы, которые мы познаемъ надлежащимъ образомъ, коль скоро вникаемъ въ нихъ, проникнутые духомъ истинныхъ естествоиспытателей. Этой цѣли мы достигаемъ именно тогда, когда за наблюденіемъ явленія идетъ изслѣдованіе его причинъ и его сущности, основанное на опытѣ со средствами и методами, доставленными намъ физическими науками. Результатъ нашихъ трудовъ въ этомъ направленіи таковъ, что мы въ состояніи наконецъ схватить болѣе или менѣе постоянныя количественныя отношенія изслѣдуемыхъ явленій. Это одинъ изъ тѣхъ важныхъ результатовъ, какихъ мы именно и желаемъ достигнуть.

И такъ съ увѣренностію можно сказать, что значительная часть болѣе или менѣе понятныхъ для насъ физиологическихъ нашихъ отправленій, жизненныхъ нашихъ дѣйствій, идетъ рука объ руку съ химическими процессами, съ химическими превращеніями составныхъ частей нашего тѣла. Многого въ этой, неоспоримо существующей, связи между животными и химическими процессами мы еще не понимаемъ: мы не знаемъ почему, и въ какой мѣрѣ та или другая функція стоитъ въ зависимости отъ извѣстныхъ химическихъ измѣненій составныхъ частей нашего организма. Тѣмъ не менѣе, однако, мы все таки по необходимости должны принять, что только тогда эти составныя части нашего организма способны къ жизни, тогда только онѣ служатъ жизни, когда онѣ химически дѣятельны. Слѣдовательно, цѣль нашихъ усилій въ этомъ направленіи есть познаніе жизненной работы, производимой образованіемъ вещественныхъ составныхъ частицъ нашего тѣла и различными химическими превращеніями, въ нихъ самихъ происходящими.

Задача медицины состоитъ въ познаваніи правильности и мѣры случающихся отступленій отъ правильнаго хода человѣческой жизни. Дальнѣйшая ея задача—изслѣдованіе и отыскиваніе средствъ, дающихъ возможность устранять эти отступленія и возвращать ихъ въ предѣлы правильной нормы. Цѣль, затѣмъ, медицины есть поддерживаніе и, такъ сказать, облегченіе жизни. Только вполне проникнувшись этими убѣжденіями и принимая ихъ въ основаніе, возвышая ихъ до значенія принципа, долженствующаго руководить всякой работой въ медицинскихъ наукахъ, — только тогда и единственно только тогда мы можемъ достигнуть желаемой цѣли. Умствованіе въ медицинѣ, основывающееся на какой-то, будто-бы вѣрной исходной точкѣ — справедливо говоритъ Бернаръ — не не подкрѣпленное опытомъ, есть грубое заблужденіе; заблужденіе потому, что оно ведетъ къ отвлеченнымъ системамъ, не имѣющимъ реального бытія, такъ какъ явленія во всякомъ случаѣ болѣе сложны, чѣмъ формулы, придуманные для нихъ даже самыми логическими выводами ума.

Во избѣжаніе упрека въ преувеличенной исключительности, мы должны прибавить, что не одной химіи медицина обязана своимъ развитіемъ и не отъ одной только химіи зависитъ возможность выполненія великой задачи медицины; но дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ вопросъ болѣе яснымъ, чтобы уразумѣть надлежащимъ образомъ значеніе химіи наравнѣ съ другими вспомогательными науками.

Еще болѣе выкажутся намъ важность химіи для медицинскихъ наукъ и значеніе настоящаго нашего пониманія этого взаимнаго ихъ отношенія, когда мы бросимъ взглядъ на исторію развитія обѣихъ этихъ отраслей человѣческаго знанія и обратимъ особенное вниманіе на узлы, которые въ разныя времена соединяли ихъ съ большею или меньшею силою.

Химія, въ разные періоды своего развитія, поставляла себѣ различныя цѣли. Сначала и даже въ теченіе долгаго времени химія составляла собственно искусство; только въ XVII столѣтіи начала она принимать научное направленіе, хотя уже за тринадцать вѣковъ до этого признавали за ней названіе „scientiae“.

Долго оставалась она въ пеленкахъ, и именно потому, что не одна, но различныя практическія цѣли были побужденіемъ къ работамъ въ этомъ направленіи. Извѣстная однородность этихъ работъ и ихъ средствъ для достиженія этихъ цѣлей, составляли въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ извѣстную, непрерывную цѣлость — онѣ это составляли связь между этими различными стремленіями, почему эти послѣднія и носили всегда названіе химіи.

Извлеченіе и сопоставленіе изъ историческихъ памятниковъ человѣческаго труда, посвященнаго химіи, всего того, что имѣло болѣе близкое

отношеніе къ медицинѣ, чрезвычайно поучительно. Поучительно уже не потому только, что выказываетъ всю основательность мнѣнія заслуженнаго изслѣдователя, приведеннаго нами выше, но потому еще, что оно уясняетъ намъ мнимый парадоксъ: что не смотря на вѣковые труды,—созрѣваніе и плодотворнѣйшіе результаты этихъ трудовъ находимъ только въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ. Поэтому-то позвольте мнѣ, мм. гг., въ нѣсколькихъ чертахъ представить вамъ судьбы тѣхъ различныхъ стремленій, которыя, соединяясь всегда подъ однимъ наименованіемъ химіи, касались ближе интересовъ медицинской науки, но между тѣмъ, не прежде, какъ въ концѣ XVIII столѣтія, вступили на тотъ путь, который можно назвать въ строгомъ смыслѣ научнымъ.

Древнѣйшіе слѣды знаній въ дѣлѣ химіи исторія показываетъ намъ у египтянъ, финикянъ, евреевъ. Они однакоже относились болѣе къ земледѣлю, техническимъ искусствамъ и металлургіи. Самое названіе химіи происходитъ повидимому отъ египтянъ, которые своимъ химико-земледѣльческимъ занятіямъ будтобы придавали имя самаго предмета ихъ занятій—черной земли, на первобытномъ ихъ языкѣ называемой „хеми“. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на недостатокъ у древнихъ стремленія къ познанию химическаго состава сложныхъ тѣлъ, т. е. тѣлъ, которыя, хотя повидимому и представляются однородными, тѣмъ не менѣе состоятъ изъ разнородныхъ простыхъ тѣлъ или такъ называемыхъ элементовъ. Они не различали также зачастую физическихъ свойствъ тѣлъ отъ ихъ свойствъ химическихъ; не различали, слѣдовательно, свойствъ, не состоящихъ въ связи съ радикальнымъ измѣненіемъ во внутреннемъ строеніи тѣлъ, отъ тѣхъ свойствъ, которыя тѣсно связаны съ таковымъ измѣненіемъ, съ измѣненіемъ слѣдовательно изсѣдуемаго тѣла.

Тоже самое сообщаетъ намъ исторія о разработываніи химіи и въ самыя блестящія эпохи умственнаго развитія классической Греціи, а за ней также и въ Римѣ. Разработываніе ея здѣсь происходило также небрежно какъ и всякія научныя занятія, направленные къ познанию природы и къ полезному приложенію на практикѣ этихъ знаній. Даже во врачебномъ искусствѣ древнихъ грековъ, тогдашнія химическія познанія имѣли малое значеніе. Только въ IV столѣтіи до Р. Х. появилось то Аристотелево ученіе о элементахъ, составляющихъ всѣ тѣла въ природѣ, которое въ послѣдствіи долгое время служило основаніемъ медицинскимъ системамъ. Ученіе Аристотеля, принимая четыре основныхъ свойства или состоянія матеріи, слѣдовательно собственно физическія ея свойства и различныя ихъ степени, объясняло всѣ свойства относительно различнымъ въ нихъ количественнымъ содержаніемъ элементовъ, съ которыми эти основныя свойства состояли будто бы въ связи. Эти элементы

были: земля, воздухъ, вода и огонь; въ нихъ соединялись всѣ эти основныя свойства или состоянія матеріи—состоянія: сухое и влажное, твердое и жидкое. И такъ Аристотелевы элементы не представляли особыхъ родовъ матеріи въ нынѣшнемъ, нашемъ смыслѣ, но только различныя состоянія, которыя, соединяясь въ матеріи, лишенной всякихъ свойствъ, придавали ей онѣя. Это отвлеченное ученіе, пользовавшееся долгое время значительнымъ уваженіемъ, спустя нѣсколько вѣковъ, сдѣлалось основаніемъ медицинской системы Клавдія Галена, во II столѣтіи послѣ Р. Х. Галенъ, знаменитѣйшій лекаръ своего времени, принимая это ученіе, нѣсколько впрочемъ уже измѣненное, объяснялъ состояніе здоровья и болѣзни разнородностію и различными взаимными отношеніями этихъ элементовъ, или, вѣрнѣе, отвлеченныхъ свойствъ ихъ въ организмъ.

Кромѣ этихъ физиолого-патологическихъ системъ, въ тогдашней Греціи и въ Римѣ извѣстно уже было относительно значительное число металловъ и ихъ соединеній, которыя вмѣстѣ съ лекарственными травами употреблялись при врачеваніи болѣзней. Описанія ихъ, а равно и способы приготовленія изъ нихъ лекарствъ, находимъ у знаменитыхъ и цѣнимыхъ греческихъ и римскихъ писателей, каковы: Діоскоридъ и Кай Плиній, жившихъ въ I столѣтіи по Рождествѣ Христовомъ.

Аристотелево ученіе, которое, какъ наука о стихіяхъ, уплѣло почти до нашихъ временъ, было результатомъ недостатка всякихъ понятій о химическомъ составѣ тѣлъ,—понятій, которыя только гораздо позже стали кое-гдѣ мало по малу вырабатываться. Въ то же время оно было результатомъ тогдашнихъ способовъ изслѣдованія, основывавшихся на грубомъ наблюденіи самыхъ выдающихся, самыхъ осязательныхъ для чувствъ свойствъ, безъ всякаго стремленія изслѣдовать, посредствомъ соотвѣстныхъ опытовъ, причины этихъ, просто при помощи чувствъ собираемыхъ, фактовъ.

Два столѣтія спустя, появляются слѣды экспериментальнаго изслѣдованія, которое ставитъ себѣ задачею познать химическій составъ извѣстнаго класса тѣлъ, а именно металловъ. Это новое направленіе извѣстно подъ именемъ алхиміи. Неточно извѣстное начало ея приписываютъ мистеріямъ египетскихъ жрецовъ, которыя, во время борьбы съ распространявшимся уже христіанствомъ, сдѣлались болѣе извѣстными. Особенно же въ IV столѣтіи нашей эры, онѣ олицетворились въ стремленіяхъ измѣнять неблагородные металлы въ золото и серебро. Направленіе это, болѣе тысячи лѣтъ серьезно занимавшее пытливые умы, обнаруживалось въ теченіе этого времени съ различною силою. Важнѣйшіе памятники его господства принадлежатъ, какъ извѣстно, въ VIII столѣтіи арабамъ, а затѣмъ, въ XIII вѣкѣ, направленіе это пролагаетъ себѣ

путь, какъ кажется, черезъ Испанію и въ западную Европу. Исходной точкой для алхимистическихъ стремленій служили понятія о составѣ матеріи, въ сущности мало отличавшіяся отъ понятій Аристотелевой школы. Именно, по понятіямъ алхимиковъ, одна и та же матерія, принимая въ различныхъ тѣлахъ, особенно въ металлахъ, различные свойства, представляется различно; отсюда произошло предположеніе возможности перемѣнять другіе расплавленные металлы въ золото и серебро. Совокупность свойствъ, общихъ всѣмъ металламъ, олицетворялась въ двухъ элементахъ: ртути и сѣрѣ. Оба эти элемента, представляя въ высшей степени свойства, общія металламъ, смотря будто бы по большому или меньшему ихъ содержанію въ данныхъ металлахъ, должны были производить разнородность этихъ послѣднихъ. И такъ измѣненіе одного металла въ другой должно было будтобы зависѣть отъ измѣненія количества и взаимнаго отношенія этихъ двухъ элементовъ, или, что тоже, отъ измѣненія свойствъ металла. Не смотря на ложные взгляды и стремленія, періодъ этотъ обогатилъ запасъ химическихъ фактовъ.

Съ врачебнымъ искусствомъ алхимія находилась въ связи, потому что такъ называемый у алхимиковъ философскій камень, въ своемъ чистѣйшемъ видѣ, долженъ былъ будтобы не только вырабатывать изъ другихъ металловъ благородные металлы, но имѣть также силу, излечивая всевозможныя болѣзни человѣческаго тѣла, возвращать старцамъ невозвратную юность.

Мы должны замѣтить, что въ алхимическихъ наукахъ тѣла различаются не только по физическимъ, но и по химическимъ свойствамъ. Въ нихъ обращается уже все болѣе и болѣе вниманіе на особенныя химическія свойства и уже вырабатываются понятія о химическомъ составѣ тѣлъ, хотя, впрочемъ, и тяготеютъ на нихъ еще узъ аристотелевой школы съ ея отвлеченными элементами.

Въ началѣ XVI вѣка замѣчаются попытки систематизированія изслѣдованныхъ дотоѣ химическихъ фактовъ. Сила и значеніе древнихъ авторитетовъ слабѣютъ. Разработкой химіи занимаются наиболѣе врачи, для которыхъ уже недостаточны шаткія и отвлеченныя теоріи недалекаго прошедшаго, которые уже болѣе освобождаются отъ узъ схоластической философіи и усиливаются стать твердою ногой на почву самостоятельныхъ изысканій. Въ XVI и XVII вѣкахъ химія содѣйствуетъ врачебной наукѣ, которая въ свою очередь видимо старается включить ее въ число своихъ вспомогательныхъ наукъ. Стремленіе прикладывать тогдашнее химическое знаніе къ объясненію жизненныхъ явленій, къ врачебнымъ потребностямъ медицинскаго искусства, дѣлается до того преобладающимъ,

что самое медицинское искусство становится какъ бы частію прикладной химіи. Здѣсь начало такъ называемой ятрохимической школы или школы врачей-химиковъ. Къ такому преобразованію понятій, первый толчекъ подали конечно химики, но довершили его во всей полнотѣ сами врачи. Алхимистическія идеи въ тѣсномъ смыслѣ, хотя и просуществовали до временъ неслишкомъ еще отъ насъ отдаленныхъ, однако и въ то уже время принуждены были уступить мѣсто этому новому, болѣе рациональному направленію. Хотя уже и въ прошедшемъ періодѣ употреблялись химическіе препараты, какъ лекарственныя средства, но въ это особенно время число ихъ значительно увеличилось, какъ чрезъ приготовленіе новыхъ, такъ и чрезъ введеніе въ употребленіе тѣхъ изъ нихъ, которые до того отвергались. Это было послѣдствіемъ принциповъ, распространившихся такими людьми, какъ Филиппъ Парацельсъ, человѣкъ высоко поставленный и извѣстный пропагандистъ того новаго направленія, въ которомъ конечно мечтательство и предрассудки играли еще порядочную роль, тѣмъ не менѣе онъ положилъ начало химической физиологіи, химической патологіи, а равно и обширному приложенію химіи къ терапіи. Провозглашая съ кафедръ и въ практикѣ принимая химию за одинъ изъ столбовъ врачебнаго искусства, наравнѣ съ философіей, — или собственно съ кабалистикой, магіей, — а также и астрономіей, Парацельсъ и его послѣдователи тѣмъ самымъ не могли освободиться отъ обманчиваго мистицизма, затемнявшаго болѣе свѣтлыя стороны ихъ ученія. Они не могли освободиться также отъ алхимистическихъ идей, отъ перешедшихъ въ эти идеи понятій объ элементарныхъ свойствахъ, которыя они предполагали сдѣлать болѣе удобопонятными, придавая имъ названіе общеизвѣстныхъ тѣлъ, одаренныхъ этими свойствами въ высшей степени. Стараясь, огнеупорность и летучесть представляютъ сѣра, соль и ртуть. Эти три элемента, представляющіе три основныхъ свойства, входятъ въ составъ всѣхъ тѣлъ, а затѣмъ, слѣдовательно, и въ составъ человѣческаго организма. Здоровое состояніе человѣческаго организма зависитъ будто бы отъ извѣстнаго взаимнаго отношенія этихъ, входящихъ въ его составъ, элементовъ; нарушеніе такого отношенія причиняетъ болѣзнь; леченіе же этой послѣдней состоитъ въ возвращеніи организма къ его нормальному составу.

Не взирая на множество заблужденій и недостатковъ въ наукахъ, созданныхъ людьми этого времени, слѣдуетъ однако по справедливости признать за ними ту заслугу, что науки ихъ опираются уже болѣе или менѣе на дѣйствительность. Они различали уже разнородность тѣлъ, зависящую отъ различныхъ химическихъ ихъ свойствъ, происходящихъ отъ различныхъ или въ разныхъ количественныхъ отношеніяхъ входя-

щихъ въ ихъ составъ частей. Они признавали уже существованіе химическихъ процессовъ въ жизненныхъ явленіяхъ; составъ организма, его строеніе представляли уже себѣ въ болѣе химическомъ смыслѣ. Дальнѣйшимъ результатомъ этихъ взглядовъ было убѣжденіе, что леченіе болѣзненныхъ состояній организма возможно только при помощи химическихъ средствъ.

Такіе взгляды были побужденіемъ къ новымъ изысканіямъ, усиливали интересъ занятій химическими изслѣдованіями, которыя, выказывая пробѣлы въ знаніяхъ необходимыхъ для врачей, выказывали также ложныя стороны ятрохимическихъ теорій, причиняя этимъ ихъ паденіе и содѣйствуя въ то же время развитію химіи какъ самостоятельной науки. Съ тѣхъ поръ усилились работы на поприщѣ спагирического искусства—какъ стали называть химію въ XVI столѣтіи—искуства, которое, какъ уже показываетъ само его названіе, происходящее отъ словъ *σπάω*—разъединяю и *ἀγείρω*—соединяю, поставляло себѣ цѣлю своихъ стремленій анализъ и синтезъ. — Съ тѣхъ поръ химики сдѣлали большой шагъ впередъ въ дѣлѣ познанія состава многихъ тѣлъ; такъ напр. тогда было показано, что киноварь содержитъ ртуть и сѣру и притомъ уже не въ видѣ отвлеченныхъ элементовъ, но дѣйствительныя, вещественныя ртуть и сѣру. Подобные результаты должны были вытекать изъ болѣе яснаго опредѣленія задачъ, разрѣшеніе которыхъ поставляли себѣ цѣлю тогдашніе ученые. Задачи эти состояли: въ разложеніи — анализированіи и слаганіи — возсоздаваніи тѣлъ, въ болѣе тщательномъ изслѣдованіи явленій, сопутствующихъ этимъ дѣйствіямъ, а также и законовъ, по которымъ они совершаются; наконецъ въ болѣе точномъ опредѣленіи зависимости химическихъ свойствъ тѣлъ отъ состава этихъ послѣднихъ. Важнѣйшимъ плодомъ труда въ такомъ направленіи было то, что Робертъ Бойле былъ въ состояніи уже во второй половинѣ XVII столѣтія поставить ясное опредѣленіе химическихъ элементовъ, т. е. тѣлъ, которыя невозможно разложить на другія составныя части извѣстными вспомогательными средствами, равно какъ и опредѣленіе составныхъ частей сложныхъ тѣлъ, изъ которыхъ можно ихъ отдѣлить и изъ которыхъ въ свою очередь можно возсоздать сложные тѣла.

Мы представили въ важнѣйшихъ чертахъ характеръ взглядовъ, трудовъ и ихъ стремленій въ теченіе XVI, XVII и предшествовавшихъ вѣковъ. Умалчиваемъ о различныхъ видоизмѣненіяхъ господствовавшего въ это время направленія, которыя вводились отдѣльными, болѣе извѣстными изслѣдователями. Конецъ XVII вѣка, отличавшійся уже своимъ аналитико-синтетическимъ направленіемъ, произвелъ въ то же время спо-

событійшихъ ятрохимиковъ, каковы: Иванъ фонъ Гельмонтъ, Иванъ Гляуберъ, Францъ де-ле Боэ Сильвій и др. Имъ извѣстны уже были газы; на пищевареніе они смотрѣли какъ на химическій процессъ. Явленія броженія такъ занимали ихъ умы, что Сильвій, послѣдній изъ наиболѣе замѣчательныхъ умовъ этой школы, объяснялъ разные физиологическіе процессы броженіемъ, появляющимся вслѣдствіе смѣшенія щелочныхъ и кислыхъ соковъ, какъ напр: сока поджелудочной железы, желчи, крови. По мнѣнію его и Виллизія перевѣсъ кислоты или основанія въ сокахъ, долженъ былъ составлять причину разныхъ болѣзней и т. п. Неподвижность ятрохимиковъ на пути экспериментальнаго изслѣдованія, поставила ихъ системы въ противорѣчіе съ идущею неуклонно впередъ химіею. Чрезмѣрная отсталость отъ тогдашнихъ понятій о химическихъ процессахъ и односторонность ятрохимиковъ въ истолкованіи жизненныхъ явленій человѣческаго организма, послужили поводомъ къ паденію ихъ системы. Университеты, основывавшіеся уже въ XIV и XV вѣкахъ въ Германіи и въ сосѣднихъ съ нею государствахъ, по примѣру Италіи, Испаніи, Франціи,—академіи и ученые общества, изъ коихъ нѣкоторыя отъ XVII столѣтія достигли до нашихъ временъ,—подали также средства къ упрощенію слишкомъ уже отвлеченныхъ системъ, каковы алхимизмъ и въ послѣдствіи занявшій его мѣсто ятрохимизмъ.

XVIII вѣкъ, особенно во второй его половинѣ, представляетъ все болѣе явственно совершающійся переходъ отъ разрозненныхъ системъ, создаваемыхъ отдѣльными, болѣе быстрыми умами и носящихъ поэтому на себѣ личный отпечатокъ своихъ творцовъ, къ наукѣ, все болѣе обобщающей научный трудъ и чрезъ то самое уже освобождающейся отъ индивидуальнаго характера. Преобразователями этого направленія человѣческаго труда, обращеннаго къ познанию химическихъ явленій, а тѣмъ самымъ и химическихъ процессовъ человѣческаго, животнаго и растительнаго организмовъ, являются уже не врачи, но первостепенные химики. Чрезвычайные успѣхи этихъ послѣднихъ въ созданіи самостоятельной химической науки, мало по малу снискиваютъ ей признаніе дѣйствительнаго ея значенія для медицины. Отсталость и доктринерство ятрохимиковъ породили было у врачей пренебреженіе химіи и затѣмъ совершенное безвѣріе въ полезность ея для врачебной науки. Предоставляя аптекарямъ заботиться о приготовленіи химическихъ лекарственныхъ препаратовъ, врачи не признавали за химіею никакаго значенія въ распознаваніи нормальныхъ и болѣзненныхъ процессовъ, въ образованіи физиологическихъ и патологическихъ теорій. Новую эру химіи, возвращающую ей ея значеніе для физиологіи, патологіи и другихъ отраслей медицины, составляетъ переходъ отъ качественного къ количественному

изслѣдованію химическихъ явленій. Этотъ методъ изысканій придаѣтъ болѣе вѣрности и убѣдительной силы результатамъ изслѣдованія, доставивъ вмѣстѣ съ этимъ средства провѣриванія ихъ помощію вѣсовъ и мѣръ. Этотъ новый періодъ химіи сдѣлалъ ее, какъ справедливо замѣчали, душой естественныхъ наукъ; одиѣмъ изъ нихъ она только придаетъ ихъ научное значеніе, для другихъ она становится необходимою по вносеннымъ ею въ нихъ ясности и свѣту. Отъ конца XVIII вѣка и до настоящей минуты, безъ малаго въ продолженіи ста лѣтъ, ея научное значеніе достигло высокой степени. Разъясненіе сущности химическихъ явленій, какъ напр. объясненіе процесса окисленія, — которое мы находимъ на первомъ мѣстѣ между болѣе значительными заслугами этого періода, — собраніе громаднаго богатства фактовъ, приложеніе вытекающихъ изъ нихъ научныхъ теорій къ соединеніямъ минеральнымъ, равно какъ и органическимъ, созданіе особаго отдѣла науки, занимающагося изслѣдованіемъ этихъ послѣднихъ соединеній, суть прямые плоды этого періода. Нынѣ, въ точности изученное строеніе значительнаго числа органическихъ тѣлъ, или, лучше сказать, изслѣдованіе сгруппированія въ нихъ составляющихъ эти тѣла элементовъ, дѣлаетъ возможнымъ, на основаніи извѣстныхъ общихъ наукъ о химическихъ превращеніяхъ и химическихъ процессахъ, напередъ опредѣлить результаты изслѣдуемаго химическаго процесса и подтвердить ихъ опытомъ. Можно предвидѣть, что произойдетъ съ изслѣдуемымъ тѣломъ въ искусственно созданныхъ для него условіяхъ и какъ-вы могутъ быть свойства тѣлъ, которыя произойдутъ въ этомъ химическомъ процессѣ изъ тѣла, составляющаго предметъ изслѣдованія.

Антонъ Лавуазье, которому химія обязана своимъ первымъ и важнѣйшимъ стремленіемъ къ научной разработкѣ — этотъ корифей того періода принесъ уже сразу огромную услугу медицинѣ, объяснивъ весь процессъ дыханія представленіемъ въ надлежащемъ свѣтѣ процессовъ окисленія. Отъ него получило начало изслѣдованіе состава животнаго организма и развитіе фізіологической науки, основанной на результатахъ химическихъ опытовъ.

Мы не можемъ здѣсь говорить обстоятельно о всѣхъ переходныхъ степеняхъ развитія химіи въ приложеніи ея къ фізіологін и къ врачебнымъ наукамъ. Довольно будетъ сказать, что плоды работъ цѣлаго ряда тружениковъ въ направленіи, указанномъ Лавуазье, де Фуркрюа, Прютомъ и другими, привели насъ нынѣ къ непоколебимымъ убѣжденіямъ, которыя мы высказали уже выше. Ученые убѣдились наконецъ, что нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ невѣдомымъ силамъ, управляющимъ будто бы жизненными процессами нашего организма, для объясненія этихъ процессовъ, что эти процессы тѣсно связаны съ химическими процессами,

происходящими въ нашемъ тѣлѣ, что можно подражать этимъ процессамъ—создавать искусственно составныя части организма, и безъ участія этого послѣдняго, а только по извѣстнымъ законамъ, управляющимъ химическими явленіями. Среди такихъ условій, химическая часть фізіологіи выработалась, особенно въ послѣднія тридцать — сорокъ лѣтъ, подъ руководствомъ такихъ людей какъ Берцеліусъ, Вёлеръ, Эрдманиъ, Леманиъ, Шереръ, Гейнцъ, Горупъ-Безанецъ, Кольбе, Шеврёль, Мюльдеръ, Буссенго, Реньо, Фреми, Бишоффъ, Либихъ, и многихъ другихъ,—въ отдѣльную науку.

Фізіологическая химія не желаетъ присвоивать себѣ право рѣшительнаго сужденія о настоящемъ врачебной науки, но тѣмъ не менѣе работаетъ для ея будущаго. Прошедшее химіи научило ее, съ какою осторожностію она должна провозглашать свои результаты и строить свои теоріи.

Фізіологическая химія, при посредствѣ общей химіи, познаетъ общіе законы, по которымъ происходятъ въ природѣ химическія явленія и которые одинаково хорошо приложимы и къ явленіямъ, связаннымъ съ жизнью нашего организма. Она заимствуетъ отъ химіи богатый запасъ фактовъ и, въ извѣстномъ отношеніи, самый ея методъ изслѣдованія. Она приноситъ медицинѣ важную услугу тѣмъ, что вводитъ въ ея изысканія индуктивный методъ изслѣдованія, который оказалъ уже такіе громадныя услуги въ своемъ приложеніи къ другимъ позитивнымъ наукамъ.

Химикъ нашего времени въ правѣ утверждать, что принципы его проникнуты истиной, что выводы его могутъ избѣжать заблужденій, такъ какъ, опираясь на добытую опытность, на извѣстныя данныя, онъ можетъ предсказывать существованіе другихъ, до того еще неизвѣстныхъ фактовъ, и у него въ рукахъ есть средства провѣрить тутъ-же справедливость своихъ выводовъ. И такъ, подъ руководствомъ на такой высотѣ стоящей науки, мы, на нашемъ болѣе трудномъ и запутанномъ пути, иди впередъ несовсѣмъ еще увѣренными шагами, хотя и можемъ подчасъ спотыкаться, но, разумно пользуясь ея указаніями, не будемъ уже подвергаться заблужденіямъ прошедшаго.